

КУРОРТНАЯ АРХИТЕКТУРА ПРИМОРЬЯ

Иванова Алина Павловна,

доцент кафедры дизайна архитектурной среды,
ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет»,
Хабаровск, Россия, e-mail: iva.nova@mail.ru

УДК 72.01
ББК 85.110

Аннотация

Южное побережье Приморья является одним из основных курортных центров российского Дальнего Востока. Несмотря на это, туристическая инфраструктура и курортная архитектура региона остается практически неизученной. В статье, опирающейся на обширные полевые исследования, описывается разнообразие форм приморской курортной архитектуры и предлагается ее предварительная типология.

Ключевые слова:

вернакулярная архитектура, курортная архитектура, Дальний Восток, экономика впечатлений

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-00537.**

Статья написана по итогам полевых исследований (июль – август 2018 г.) и посвящена анализу приморской курортной архитектуры, выявлению особенностей ее пространственной структуры и архитектурных решений. Курортная архитектура рассматривается как важнейшая, наиболее интенсивно развивающаяся часть народной (вернакулярной) архитектуры региона.

Фактологической базой стал фотобанк, собранный во время экспедиций в основные курортные зоны Приморья: обследованы наиболее популярные места отдыха в предместьях Владивостока (пляжи на Океанской и Санаторной, бухта Шамора); изучены турбазы и пляжи в окрестностях пос. Славянка и г. Находки (Ливадия, Врангеля). Однако основной целью экспедиции был мыс Гамова (пос. Андреевка, бухты Песчаная, Рисовая Падь, Витязь), где за четверть века сформировалась развитая индустрия гостеприимства.

Формирование дальневосточной курортной архитектуры можно разделить на три периода: до-революционный (первые «морские усадьбы» эпохи порто-франко), советский (пансионаты и санатории 1950–80-х гг.) и постсоветский (с начала перестройки до сегодняшнего дня). Объект исследования – курортная архитектура третьего, постсоветского периода (1988–2018), практически полностью состоящая из вернакулярных построек.

Степень изученности проблемы. Приступая к исследованию курортной архитектуры, автор ориентировался на классическую монографию Фреда Грея и его методологию изучения морского курорта как «оригинального урбанистического образования» [1, с. 7]. Фред Грей использует термин «береговая архитектура», включающий «не только пирсы и павильоны, но и дета-

ли пляжных домиков, ограды променадов и укрытий от ветра, а также пансионаты-кемпинги, приморские парки и открытые пространства и сам курорт как единое целое» [1, с. 9–10]. В нашем случае понятие «береговая архитектура» используется с учетом региональных особенностей.

История первых опытов приморской береговой архитектуры хорошо известна благодаря воспоминаниям Николая Матвеева и Элеоноры Пей. Используя эти источники, М. Касьянов в 2005 г. опубликовал обзор приморских «морских усадеб» [2]. Широкую известность получила статья С.С. Левашко, посвященная планировочно-архитектурным особенностям Сад-Города [3]. [Огромное количество ссылок на эту блестящую работу и ее подробный пересказ в региональных СМИ связано с гибелью последнего архитектурного памятника Сад-Города – двухэтажного деревянного особняка, снесенного в июле 2018 г.]. Автор не располагает информацией о научных публикациях на тему дальневосточной постсоветской курортной архитектуры (что, разумеется, не исключает возможности таких работ), но, являясь сторонником методологии Пирса Льюиса, опирается в своей работе на так называемую третью аксиому Льюиса: «повседневные ландшафты трудно изучать с помощью привычных академических средств» [4, с. 148–165]. Поэтому в качестве источниковедческой базы активно использовались региональные СМИ и социальные сети, где подробнейшим образом фиксируется все, так или иначе связанное с заявленной темой. Кроме того, мы задействовали свежие разработки в области методологии исследований архитектуры [5] наряду с работами австралийских [6] и американских авторов [7], раскрывающих связь архитектуры и туризма.

Перед тем, как перейти к анализу береговой архитектуры Приморья, сделаем краткий обзор развития летнего отдыха на юге Дальнего Востока и выявим основные этапы формирования курортных поселков. Помимо собственных полевых исследований и детских воспоминаний как автора, так и многочисленных респондентов, источником информации служат приморские сайты и социальные сети.

Мечта о море как драйвер дальневосточного регионального туризма

На Дальнем Востоке, в отличие от черноморского побережья, не было традиции массовой сдачи жилья отдыхающим. Рыбачьих поселки не рассматривали «экономику впечатлений» как ресурс выживания. Одним из немногих исключений являлась дер. Андреевка в Хасанском районе (основой местной экономики была звероферма), где с начала 80-х гг., когда из Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре на юг потянулись еще редкие автовладельцы, местные жители негласно стали сдавать на постой свои избы. В постперестроечный период (конец 80-х – конец 90-х гг.) достиг пиковых значений «дикий» туризм, получивший дополнительный импульс благодаря массовому распространению частного автотранспорта (из Японии пошли первые паромы, до отказа набитые праворульными машинами) и открытию прежде режимных и заповедных территорий. Дикая туризм объединил самые широкие слои жителей Дальнего Востока (внезапный рост регионального патриотизма был в немалой степени обусловлен резким ростом цен на авиаперевозки – несколько поколений дальневосточников были отрезаны от классических кавказско-черноморских локаций).

Остановимся подробнее на традиции палаточного отдыха, во многом сформировавшего самоидентификацию дальневосточников.

Ежегодная полувековая (исследование ограничено началом 1980-х гг., но, судя по воспоминаниям старшего поколения, палаточные лагеря в приморских бухтах появились десятилетием раньше) летняя миграция дальневосточников на южное побережье Приморья сформировала определенный жизненный и экономический уклад. Упорное стремление провести отпуск в бухтах, где, как правило, отсутствует не только инфраструктура, но даже источники пресной

воды (зато водятся многочисленные гадюки и крайне ядовитые щитомордники), и сегодня мотивируется твердой убежденностью, что красивее Приморья нет места на Земле.

Дальневосточный «пляжный» отдых делится на континентальный (бухты) и островной; острова, куда можно добраться только на катерах или собственных яхтах, традиционно предпочитают жители Владивостока, в бухтах отдыхают преимущественно туристы из северного Приморья и Хабаровского края, использующие собственные автомобили или железную дорогу. Именно острова стали частью локального туристического бренда, наиболее удачное использование этой легенды – дальневосточная серия шоколадной фабрики «Приморский кондитер», популяризирующей географию островов и акватории («Залив Посыета», «Пролив Босфор», «Остров Рикарда», «Остров Рейнике», «Остров Русский» и несколько выбивающейся из курортной темы «Остров Сахалин»).

Рис. 1. Береговая линия

Несмотря на подразумеваемую бесплатность «дикого» отдыха совокупные семейные затраты весьма значительны. Подготовка к летнему отпуску, прежде всего, включает покупку мощного внедорожника, приобретение огромного количества экипировки и снаряжения: десятки квадратных метров водонепроницаемых тентов, мешки угля, бочки солянки, ящики продовольствия и алкоголя, множество каркасных палаток, сотни газовых баллонов, надувные лодки, бассейны, шезлонги, переносные генераторы и пр. Жители Якутска, Магадана, Николаевска, Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска, Благовещенска, Амурска, Биробиджана едут целыми кланами, с друзьями, родственниками и домашними животными. На берегах некогда заповедных бухт и островов возводятся многокилометровые лагеря с земляными укреплениями, способными выдержать двухмесячные муссонные дожди; везут целые прицепы сборных деревянных конструкций и самодельных инженерных приспособлений. Негласное соревнование ведет к тому, что с каждым годом лагеря становятся все более конструктивно затейливыми; у палаток устанавливают искусственные пальмы, надувные бассейны, мангалы и шезлонги, добиваясь иллюзии отдыха на тропическом берегу. Однако, несмотря на десятилетия массового наплыва туристов, благоустройство бухт оставляет желать лучшего.

С начала 90-х гг. появилась проблема так называемых «веревочников» – предпринимателей, которые начали собирать плату за проезд в бухты и установку палаток (они перегораживали грунтовые дороги тросами и веревками, откуда и возникла народная этимология). Подразумевается, что «веревочники» на собранные деньги должны вывозить мусор и обеспечивать пляжи базовыми удобствами. Старшее поколение дальневосточников, с детства впитавшее советские

представления о праве на бесплатный отдых, выражает активное негодование сложившейся практикой сомнительных поборов. Постоянное муссирование этой темы в СМИ и соцсетях [5], с одной стороны, тормозит хищническую застройку уцелевших бухт, но с другой – препятствует появлению цивилизованных пляжей с биотуалетами и душевыми кабинками. Пока же арендаторы пляжей опасаются инвестировать в благоустройство территорий, ограничиваясь возведением балаганов из подручных материалов, расстановкой вдоль берега мусорных контейнеров и мангалов.

Размах летней миграции породил сопутствующую инфраструктуру в виде линейного «гостеприимного пространства», растянувшегося вдоль федеральной трассы Хабаровск–Владивосток и включающего сотни постоянных дворов, придорожных трактиров, сомнительных мотелей и других элементов стихийной туриндустрии. Видимо, в связи с отсутствием спроса на адекватно комфортные условия дорожная архитектура и сервисные услуги не меняются десятилетиями. Но несмотря на все трудности во время пути и спартанские условия на побережье, «дикий» отдых на островах и в бухтах Японского моря до сих пор является одним из символов дальневосточного образа жизни. Топонимы Андреевка, Ливадия, Путятин, Астафьево – это тот «культурный код», который любой дальневосточник впитывает с детства.

По мере подъема общего жизненного уровня увеличивался запрос на базовый уровень комфорта: наличие электричества, теплого душа, нормального туалета, значительно позже – обязательное наличие вайфая. Однако быстрый рост благосостояния и открытие чартерных рейсов на относительно недорогие курорты юго-восточного направления кардинально изменили туристический вектор дальневосточников, приморские бухты не выдержали конкуренции с пляжами Пхукета и гостиницами Хайнаня. Развитие региональной приморской архитектуры шло незначительными темпами до 2014 г., когда наиболее состоятельный сегмент среднего класса потерял возможность выездного туризма. В посткризисные годы идея о том, что внутренний туризм станет мощным драйвером экономического развития региона, приобрела необыкновенную популярность, и в Приморье начался строительный бум, невиданный с эпохи порто-франко.

По окончании летнего сезона 2018 г. социальные сети заполнены фотографиями и отзывами хабаровчан, отдохнувших в Приморье. В подавляющем большинстве отзывы неблагоприятные, что отчасти объясняется дождями и тайфунами, омрачившими бархатный сезон. Но основные претензии предъявляются к разительному несоответствию уровня сервиса к запрашиваемым ценам, которые порой значительно выше, чем цены на хорошо знакомых дальневосточникам курортах ЮВА (Хайнань, Пхукет, Далянь). Типичные жалобы, оставленные пользователями фейсбука: «Дорог фактически нет, медицины нет, сервиса для отдыхающих нет. Даже внешне приличная гостиница в 300 метрах от моря и «конскими» ценами (8500 р/сутки) оставляет грустное впечатление: зловонное шамбо на территории, постоянный свет на балконах, мешающий спать, орущие по ночам компании (хотя заведение позиционируется как семейный отель), тонкие стены с полным отсутствием звукоизоляции, кругом паутина с кормящимися пауками... 10 лет не был и больше не поеду». При этом автор поста (директор департамента сопровождения инвестиционных проектов в Агентство инвестиций и развития Хабаровского края Андрей Сухоруков [9]) отдает должное красоте бухты (речь идет о Ливадии), но упрекает приморскую администрацию в попустительстве теневой занятости: «Представьте мини-отель на 40 комнат, человек 20 персонала, дневная выручка от 250 тысяч в день и ни копейки не проходит через счет: либо на личную карту, либо налом без документов. И таких заведений у вас сотни! Сами математикой позанимайтесь, сколько бюджеты разных уровней теряют и сколько за "слепоту" получают люди, обязанные за этим следить?» [6]. Еще раз подчеркнем, что это пишет краевой чиновник высокого уровня, что касается не ангажированных блогеров, их отзывы в социальных сетях об отдыхе в Приморье гораздо жестче.

Курортный вернакуляр. Рассмотрим базовые типы приморского курортного вернакуляра. В качестве прототипов для формотворчества были выбраны бараки пионерских лагерей и дачные домики – именно эти объекты ассоциировались для всех советских и ранних постсоветских поколений с летним отдыхом. Дачная архитектура является предметом пристального внимания профессиональных исследователей; мы не будем останавливаться на этом предмете, отметив, что при всем кажущемся многообразии деревянные дачные домики, строившиеся под Хабаровском и Владивостоком в 1960–1980-х гг. относились преимущественно к типу «скворечник» – одно окно на фасаде, двускатная кровля, образующая треугольный фронтон, зашитый тесом. В Приморье часто встречались вариации «скворечника» с мезонином. Так как практически каждая дальневосточная семья до сих пор владеет подобной недвижимостью, мгновенно опознаваемый силуэт дачного домика стал главным символом летнего отдыха. Естественно, именно этот «атомизированный элемент культурного кода» – самый примитивный и бюджетный образец вернакулярной архитектуры – стал основой курортной застройки. Через 25 лет развития курортный вернакуляр вернулся к типу советского пансионата (санатория) – длинный 3–4-этажный корпус с ленточными балконами на солнечной стороне.

Туристический кластер под Находкой. Побережья залива Восток и залива Находка в условной «курортной иерархии» котируются ниже популярных локаций Хасанского района. Море под Находкой гораздо холоднее, большие открытые бухты небезопасны для купания из-за мощного наката и обратных течений, берега пустынные, нет гротов, «висячих» скал, живописных мысов и островков, которыми славится полуостров Гамова. Сложнее логистика, добираться дальше и неудобнее, практически не развита туристическая инфраструктура и сама отдаленность от краевого центра придает этому направлению налет провинциальности. Все это делает летний отдых под Находкой значительно более бюджетной, местные турбазы часто выкупаются профсоюзами и ведомствами для сотрудников. Береговая архитектура значительно уступает разнообразием и качеством застройке курортных кластеров Хасанского района, но гораздо аутентичней в отношении вернакулярности. Здесь законсервировался и упорно воспроизводится дух 90-х.

Самая известная бухта залива Восток – Ливадия представляет собой многокилометровый пляж из белоснежного мелкого песка. В окрестностях Ливадии на склонах сопок, заросших дубравами, расположено множество турбаз со стандартными гостевыми домиками на одну-две семьи (рис. 3, в) и общей столовой барачного типа.

Под Находкой сохранился наиболее живописный тип береговой архитектуры – сплошная свайная застройка, расположенная у самой кромки воды. Подобный тип вернакуляра в туристической литературе называют «рыбацкие деревни».

Главной туристической локацией северного побережья Японского моря является полуостров Гамова, заповедные бухты которого имеют биосферный статус международного уровня, что, впрочем, не спасает их от нашествия «диких» туристов. Курортная архитектура сконцентрирована прежде всего в бухте Троица (Рисовая Падь – МЭС) и в бухте Витязь, в бухтах Песчаная и Холерка береговая архитектура появилась относительно недавно, в середине 2000-х гг.

Андреевка – Рисовая Падь – МЭС (Морская экспериментальная станция). Андреевка – небольшая деревня, лежащая в 5 км от основной автотрассы Славянка–Зарубино. От Сухановского поворота в Андреевку ведет разбитая грунтовая дорога, которая, несмотря на ежегодно увеличивающийся поток туристов, находится в ужасающем состоянии: сильные муссонные дожди размывают колеи, грунт эрозирует, процессы оврагообразования не корректируются. Полное отсутствие инфраструктуры удивительным образом не мешает позиционированию Андреевки как главного приморского курорта, рассчитанного, прежде всего, на хабаровчан. Традиция сдавать частные дома отдыхающим, как было сказано выше, идет с конца 70-х гг. С началом рыночной экономики рынок аренды выходит из тени и начинается массовое строительство с

Рис. 2. Бухта Витязь. «Трофейная архитектура». Дом, построенный пленными японцами.

целью расширения площадей, сдаваемых отдыхающим. В бухтах, расположенных между Сухановским поворотом и Андреевкой, в старых плацкартных вагонах были организованы первые турбазы, на въезде в Андреевку появилась первая база отдыха «Океан», представляющая собой сотни треугольных деревянных хижин минимальной площади, поставленных вплотную друг к другу. Тогда же, в ранних 90-х начинается застройка бухты Рисовой, где десятилетиями разбивали летние палаточные городки «дикие» туристы, с советских времен размещалась база отдыха хабаровского завода «Амуркабель» (наряду с дощатыми гостевыми домиками отдыхающие размещались в строительных контейнерах и кастоминизированных цистернах), сохранившаяся до сегодняшнего дня и представляющая определенный интерес как образец бюджетного до аскетизма курортного вернакуляра. Въезд в Рисовую перегородили «веревочники», появились дощатые туалеты и бочки с водой. Параллельно были практически уничтожены две пресные речки, служившие источником питьевой воды. За 20 лет вся береговая линия Рисовой оказалась сплошь застроена. Наибольшую площадь занимают турбазы с десятками дощатых домиков, душевыми кабинками и туалетами, появившиеся в начале 2000-х гг. На следующей ступени символической иерархии курортной архитектуры расположены базы отдыха из двух-, трехэтажных корпусов, объединенных в усадьбу и окруженных по периметру глухим забором, полностью блокирующим отдыхающим вид на море, что значительно обесценивает отдых. В отличие от бюджетного сегмента, где домики стоят прямо на песке или обочинах грунтовой дороги и где отсутствует какая-либо попытка благоустройства территории, на участках огороженных турбаз есть намеки на «ландшафтный дизайн» и «эстетику вернакуляра». Возглавляют иерархическую структуру курортных «гостеприимных пространств» пансионаты и базы отдыха, имеющие подчеркнуто модернизированный характер, резко контрастирующий с контекстом.

Возвращаясь в Андреевку, где сконцентрировано множество объектов коммерческого вернакуляра, отметим ее главное отличие от курортного канона: полностью отсутствует сама идея променада – прогулочного, благоустроенного пешеходного пространства, идущего параллельно морю. Единственным общественным пространством Андреевки с советских времен остается просе-

лочная дорога – ул. Лесная, идущая от Сухановского поворота через Андреевку в бухту Витязь. Вдоль грунтовки, которая весь курортный сезон из-за муссонов представляет собой канаву с жидкой грязью, труднопроходимую для нарядных отдыхающих, размещаются временные торговые ряды, с копеечным пляжным скарбом, балаганчики фастфуда, архаичные колхозные рынки и недавно появившиеся открытые восточные кафе с тандырами. Единственным «креативным пространством» является выставочный зал, совмещенный с функцией сувенирной лавки, принадлежащий местной художнице, которая второе десятилетие снабжает маринами скучающих туристов. Помимо мобильной временной торговли, на главной улице расположено несколько магазинов – полностью сохранившихся реликтов советской эпохи. Более популярен новый формат: быстровозводимые здания из бетонных блоков с магазином на первом этаже и гостевыми номерами на втором. Селитьба отгорожена от линейных торговых пространств глухими заборами – турист, впервые попавший в Андреевку, даже не подозревает, что море находится всего в десятках метров от него. Идет сплошная чересполосица сохранившихся с советской поры барачков, декорированных сайдингом, архаичных избушек с палисадниками и больших многоэтажных корпусов с галереями. Самой эффектной локацией Андреевки является турбаза «Сказка» с большой территорией, где присутствует множество затей в рустикальном стиле. Интересно сравнить застройку Рисовой и Андреевки с соседней бухтой МЭС, где с 60-х гг. прошлого века находится морская биологическая экспериментальная станция с летними домиками для сотрудников биофака. Именно наличие этих домиков и сформировало первый «интеллигентный» поток отдыхающих, которых приглашали специальным разрешением сотрудники МЭС (территория морского заповедника имела режимный статус и доступ туда был осложнен пропускной системой). В то время как в Андреевке всю разворачивалось строительство коммерческой недвижимости, приобретающей все более агрессивные формы, МЭС полностью сохранила свой «дух места», оставаясь законсервированным фрагментом среды, характерной для советских академических поселков: маленькие домики-скворечники с террасками, один продовольственный ларек, появившийся в 2000-х гг. на обочине главного пешеходного маршрута бухта Рисовая – бухта Песчаная, проходящего через МЭС. Только в 2014–2018 гг. на МЭС проникает новая курортная архитектура, имеющая приватный характер: как правило, это частные владения, «летние дома», рассчитанные на сезонное использование.

Песчанная бухта вместе с бухтой Гротовой, как две капли воды напоминающей бухту Сент-Анджело на о-ве Искья, является самой популярной достопримечательностью у отдыхающих в Андреевке туристов. Она расположена в 15 минутах ходьбы от МЭС (полтора часа пешей прогулки от Андреевки), но крутой водораздел и узкие тропы, резко петляющие по перепадам рельефа делают ее относительно труднодоступной. Основная проблема бухты – крайне ненадежный, часто пересыхающий, источник питьевой воды. Именно это обстоятельство препятствовало развитию «дикого» палаточного туризма. Однако в начале 2000-х гг. в левой части бухты развернулось масштабное строительство: террасирование склона, пробивка автомобильной дороги, организация благоустройства с «ландшафтным дизайном», возведение коттеджей в «английском» стиле. Все это полностью преобразило облик красивейшего места Хасанского района. Сегодня левая часть Песчаной бухты – закрытая для посетителей приватная зона с хорошо поставленным буржуазным бытом (корты, причалы, павильон для торжеств), далеким от суеты вернакулярной Андреевки. Вместе со смежной бухтой Холерка, о которой речь пойдет далее, Песчаная сегодня является локацией демонстрационного потребления, резко контрастирующей с народной курортной архитектурой Рисовой и Витязя.

Бухта Витязь – одна из красивейших в заливе Петра Великого. Прекрасно сохранившаяся густая субтропическая растительность, покрывающая крутые сопки, амфитеатром спускающиеся к морю, живописная застройка, остовы кораблей, геодезические купола – все это придает Витязю исключительную романтичность. Входы в бухту защищены каменистыми мыса-

ми, создающие эффектные, особенно на закате, панорамы. В отличие от Андреевки, Витязь в меньшей степени оказалась затронутой курортным строительством. Помимо очевидной причины – в поселок через крутой водораздел ведет единственная грунтовая дорога, разбитая глубокими колеями и рытвинами, часто непроходимая из-за муссонных дождей – отсутствие ковровой коммерческой застройки имеет исторические причины: Витязь до последнего времени оставался режимным объектом, где проводились эксперименты по дрессировке морских животных с целью использовать их в диверсионной деятельности. После ликвидации режимных объектов в конце прошлого века началась стремительная приватизация береговой линии (работники заповедника и близкие к ним коммерсанты, удачно воспользовались лазейкой в законодательстве, дающей право сотрудникам, не имеющим собственного жилья, получать земельные участки). К 2012 г. практически вся акватория перешла в частную собственность нескольких предпринимателей. В летний сезон 2018 г. в пос. Витязь и его окрестностях 30 турбаз и гостевых домов заявляли о готовности принять туристов. Для относительно небольшой бухты (длина 3 км, ширина 1,5 км) это критическая цифра. В отличие от Андреевки в Витязе сохранилось подобие променада – ул. Лесная идет вдоль берега моря, турбазы, выходящие на «променада», огорожены штакетниками и сеткой-рабицей, не закрывающей обзор. Так как застройка поднимается по склонам сопки амфитеатром, практически из любого здания открывается вид на бухту и знаменитые закаты.

Помимо выдающихся природных красот, Витязь обладает мощным историко-культурным ресурсом. Поселок был основан в 1885 г., от эпохи ранней колонизации сохранился единственный объект – руинированный особняк с элементами замковой архитектуры. Наряду с маяком это самое известное архитектурное сооружение мыса Гамова. Профессиональные историки называют строителем замка Яна Янковского – младшего представителя польской семьи, заложившей основы культурной и хозяйственной колонизации Хасанского района. Кирпичная оштукатуренная постройка переменной этажности (2–3–4 этажа) на высоком цоколе из дикого камня стоит на въезде в бухту. Главный фасад ориентирован на юг. С террас, балконов, с полукруглого крыльца открывается лучший вид на бухту и правильный конус горы Туманной (вертикальной доминанты полуострова Гамова – 550 м). Разросшиеся орехи и манчжурские дубы геральдическим венком обрамляют панораму бухты. Даже сегодня, в руинированном состоянии, лишившись первоначального лепного декора, высоких крыш и шатра со шпилем, это относительно небольшое здание с компактной объемно-пространственной композицией производит величественное и чрезвычайно романтическое впечатление, объясняющее его статус главной архитектурной легенды Хасанского района. По мнению автора, особняк Янковских – отличный пример колониального югендстиля (лучшие образцы которого немцы строили в Циндао и Тяньцзине), стоит в одном ряду с домом Бринера и домом Даттана во Владивостоке. Популярна точка зрения, что младший Янковский, помимо прочих выдающихся культуртрегерских способностей, был архитектор-самоучка. Исследовав объект и сопоставив его с собственными зарисовками полувековой давности (где зафиксированы характерные для восточного модерна приемы – пятна лепного декора, штукатурка под шубу), мы осторожно предположим если не прямое авторство, то сильное культурное влияние творческого метода Г.Р. Юнгхенделя – лучшего архитектора восточных территорий, который, собственно, и сконструировал гамбургско-приморский стиль (дойч-ориент-Revival).

Вопреки ожиданиям, руина особняка в июле 2018 г. находилась в относительно приличном состоянии (без мусора, неприглядных остатков жизнедеятельности и без ядовитых змей, которые обычно активно гнездятся в заброшенных постройках). Полностью уничтожены деревянные перекрытия и ступени полукруглой лестницы, которая вела из двухсветного холла в хозяйские спальни на втором этаже. Только в одном окне сохранился аутентичный деревянный переплет. По ризалиту главного фасада идут глубокие трещины, но в целом здание выглядит достаточно

Рис. 3. Бухта Витязь. Руины особняка Янковского.

надежными и крепким. Реставрация этого объекта – дело чести дальневосточников. Особняк Яновских – скрытый генератор вестернизации нашего края.

Мы подробно остановились на доме Янковского, так как этот объект мог бы стать очевидным источником вдохновения для всей береговой архитектуры западного Приморья. Его широкая популярность (следовательно, хорошая узнаваемость) в соцсетях и Инстаграмме является «дремлющим активом», способным привлечь турпоток.

Еще одним «дремлющим активом», имеющим отличный потенциал для конструирования «приморского» стиля, могут быть здания казарменного типа, построенные после 1945 г. японскими военнопленными. Особенностью этого типа объектов, возведенных для семей морских офицеров и гражданских жителей полуострова Гамова, является открытая неоштукатуренная кладка из местного дикого камня, что сообщает постройкам хтонический характер – они органично, как складки рельефа, прорастают по склонам сопки. Замечательная живописность и оригинальность делают эти постройки притягательными для туристов. В Андреевке подобные здания давно превращены в пансионаты, квартиры в постройке на Витязе сдаются через Booking в аренду московским и иностранным туристам.

Несмотря на существование очевидных источников вдохновения, конструирование «приморского» стиля пошло иным путем.

К истории формирования «приморского» стиля. Проблема летнего отдыха, прежде всего, – проблема мировоззренческого выбора и жизненных установок. Выбирая отдых в Приморье, а не на Хайнане, Бали или Пхукете (сопоставимые ценовые диапазоны) дальневосточник делает выбор в пользу регионального патриотизма. Но как идея регионального патриотизма оформляется архитектурно? Имеет ли дух местности архитектурное оформление? Этим вопросом задавались мы, собираясь в экспедицию на мыс Гамова. Действительно, первое, что бросается в глаза в бухте Троица или бухте Витязь – оригинальная местная архитектура, которые мы рискуем определить как «колониальный сруб». Нигде прежде в дальневосточных городах и поселках автор не видел такого обилия профессионально выполненных срубов из оцилиндрованного бревна.

Движимые научным интересом, участники экспедиции взяли интервью у владельца первой базы на мысе Гамова, построенной в узнаваемом «бревенчатом» стиле – базы отдыха «Береговая» (Витязь, ул. Лесная, 16). Со слов информанта, начало «приморского» стиля было заложено в 2006 г. В это время всем сотрудникам заповедника, не имевшим жилья, разрешалось оформлять в собственность участки на мысе Гамова. В штате заповедника работал опытный юрист,

помогавший оформлять в собственность земельные наделы в заповедных бухтах (Спасение), а также в бухтах Троица (Рисовая, МЭС), Витязь, Холерка и Песчаная. В течение короткого периода (2000–2010) лучшие участки западной акватории мыса Гамова была оформлены в частную собственность. Получив в свое распоряжение первоклассные участки с прямым выходом к морю, владельцы стали искать способы монетизации. Наш источник сообщил, что в 2006 г. он выкупил два участка по семнадцать соток (нынешняя база отдыха «Береговая»), а соседний с ним узкий участок в семь соток (нынешняя база отдыха «Светлица») был выкуплен семейной парой из Владивостока. Владелица турбазы «Светлица» – архитектор по образованию, родом из Красноярска. Часто бывая в сибирском регионе – исторической родине русской деревянной архитектуры (сибирские остроги), она вышла на контакт с нижеудинской деревообрабатывающей фабрикой. Именно база «Береговая» стала первым заказом. Проект турбазы был отослан в Нижнеудинск, откуда доставили строительный материал (конструктор из бревен, готовый к сборке). Владелец базы построил восемь домиков, заложив номенклатуру местной курортной архитектуры. База «Береговая» включает: 3 одноэтажных прямоугольных в плане корпуса (по два квадратных трехместных номера с флангов и общая веранда посередине), небольшой однокомнатный, но эффектный административный блок с просторной террасой и высокой двускатной крышей, двухэтажный, прямоугольный в плане корпус, с верандами по торцевым стенам и главный гостевой корпус переменной (2–4) этажности, окруженный террасами и верандами по периметру и развернутый длинным, главным фасадом с тремя полуфронтами к морю. Обширный двор, выходящий на у. Лесную, – главный променад Витязя – используется для конного парка. Хозяева турбазы содержат профессиональную конюшню и устраивают конные экскурсии по полуострову Гамова. Кроме лошадей, на турбазе живут чистокровные русские борзые, что придает усадьбе дополнительный шик. Хозяин «Береговой» (владеющий еще двумя турбазами на «Витязе») считает своей миссией возродить дух первых приморских усадеб, построенных Янковскими, Старцевым, Де Фризом. Сенсационный успех базы отдыха «Береговая», которая задала совершенно новый архитектурный, символической стиль, натолкнул Баранову на создание индивидуального предприятия. Следующем объектом в «приморском стиле» стала собственная база отдыха Барановой, построенная на участке, соседнем с базой «Береговая». Турбаза «Светлица», расположенная на узком небольшом участке, построена в том же стиле «колонияльный сруб», но выдержана в более женственном, кокетливом духе, с затеями и излишествами. На участке имеется декоративный колодец, душевые кабинки и туалеты, также сложенные из оцилиндрованного бревна и освещаются витражными окнами, свесы крыш украшены резными подзорами. На участке имеется летняя кухня с навесом и мангалами из художественнойковки, большая беседка под восьмигранным шатром. Хотя участок базы

Рис. 4. Срубная архитектура

отдыха «Светлица» в 2,5 раза меньше чем «Береговой», ее вместимость почти такая же, так как функциональное зонирование выполнено более профессионально. Обе базы сложились в единый ансамбль и стали новой визитной карточкой бухты Витязь. Свободно и просторно расставленные на крутом зеленом склоне, «смугло-медовые» (по известному определению Набокова), бревенчатые терема приподняты на высоких столбах фундаментов и как будто парят над землей. Главные корпуса турбаз обращены двухъярусными террасами к морю; живописные силуэты, сформированные высокими разноуровневыми коньками кровель, удачная планировка, хорошая эргономика и пропорции номеров – все это привлекло туристов и обеспечило коммерческих успех предприятию. Первый удачный образец быстро стал тиражироваться: в Андреевке (например, база отдыха «Лепота»), бухте Холерка (база отдыха «Русь») и в виде множества домов отдыха, пансионатов и коттеджей, раскиданных по западным бухтам Гамова. Таким образом, цепь случайностей (архитектурное образование Ирины Барновой, ее сибирские корни и деловые связи с нижеудинской деревообрабатывающей фабрикой) послужила предпосылкой формирования уникального, узнаваемого стиля, ставшего мощным туристическим брендом мыса Гамова. По словам информанта, местные породы деревьев, как слишком мягкие и малорослые, не подходят для строительства. По сей день строительные материалы поступают из Нижнеудинска. Количество реализованных проектов идет на десятки.

Бухта Холерка, полуостров Гамова. Эта маленькая труднодоступная бухта с песчаным пляжем и ручьем, текущим в зарослях рогоза, из-за крутых склонов сопки, амфитеатром окружаю-

Рис. 5. Бухта Витязь. Первый гостевой дом – образец для подражания.

щим ее, была освоена только дикими туристами-«экстрималами». В 90-х гг. там каждое лето организовывался скаутский лагерь для проблемных подростков. Небольшие размеры, обилие ядовитых змей, полное отсутствие дорог (из чего следовал только пеший маршрут в деревни за продовольствием) делали Холерку непривлекательной для автотуристов, зато там регулярно высаживались компании, приплывавшие из Владивостока на катерах и яхтах. В начале 2000-х гг. в Холерку прорубили гравийную трассу, уничтожив дубравы и подрезав рельеф,

протянули электрическую линию и начали возводить первые срубы. Практически всю территорию бухты заняла база отдыха «Русь», построенная в едином «бревенчатом» стиле и представляющая собой законченный ансамбль. Вход в бухту загорожен высоким частоколом с крепостными воротами, центр ландшафтной композиции – большой искусственный пруд, справа от которого расположена зона отдыха с шашлычными беседками, мангалами, площадками для барбекю, мостками и пр. Слева от пруда вверх по склону поднимается девять коттеджей на высоких кирпичных цоколях. Коттеджи выполнены из качественного бруса, фасады, обращенные к морю, имеют двухъярусные веранды. Тема «теремов» развита в высоких «висячих» крыльцах с лестницами, ведущими на второй этаж. Помимо обязательной бани, на турбазе имеются теннисный корт, пирс и детская площадка морской тематики (стилизованный маяк), расположенная на берегу. Проникновение нового формата заметно в оформлении ресторана «Садко» – это длинное одноэтажное здание, обшитое рейками, стоит у самой кромки воды на подпорной стенке, ярусами спускающейся к узкой полосе насыпного пляжа. Ящики со злаковыми, высокие лаконичные светильники, характер мощения патио свидетельствует о попытке имитации «нового урбанизма», заметим, это единственный пример, замеченный нами на всем полуострове Гамова, что говорит о вестернизированной целевой аудитории турбазы (построенной, по мнению наших информантов, москвичами или «на московские деньги, для VIP-гостей»). Действительно, размах земляных работ, полностью преобразовавших естественный ландшафт и превративших дикую бухту в тривиальную зону отдыха при досуговом центре, впечатляет. Качество строительства коттеджей из бруса, их удачные пропорции и эффектные детали в неорусском стиле свидетельствуют о профессионализме исполнителей (судя по информационному стенду, установленному во входной зоне, авторство проекта принадлежит ООО «Зодчий», расположенному на Пушкинской ул., Владивосток). Турбаза «Русь» – наиболее цельный и впечатляющий пример использования срубов в курортной зоне.

Поразительно, что совершенно нехарактерная для Дальнего Востока, не имеющая в Приморье никаких исторических корней архитектура сибирских острогов органично вошла в культурный ландшафт мыса Гамова. Поэтому остановимся подробнее на теме сруба как основы приморской курортной архитектуры 2006–2018 гг. Это отличный пример искусственного конструирования «исторической памяти места».

Массовая застройка из срубов была проблематична на юге Приморья: местная растительность – кривые, низкорослые, закрученные штопором из-за зимних шквалов маньчжурские дубы, корейские сосны и каменные березы с исключительно твердой древесиной не способствовали развитию деревянного вернакуляра. Армейские батальоны, колонизировавшие восточные территории, размещались в капитальных кирпичных казармах, гражданское население имитировало в частной застройке гарнизонную архитектуру. Про коммерческий потенциал и символический капитал бревенчатых теремов с горницами и светлицами на Дальнем Востоке никто (кроме высшего менеджмента торгового дома «Кунст и Альберс» с их откровенно ориентальным павильоном на Приамурской выставке 1913 г.) не задумывался до 1974 г., когда под Владивостоком на повороте трассы, ведущей в аэропорт, был возведен беспрецедентный для советской дальневосточной архитектуры объект: ресторан «Лесная заимка». Ресторан, построенный для встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева и Президента США Джеральда Форда, представлял собой маленькую крепость, сложенную из бревен сибирской лиственницы. Поставленная на высоком косогоре, фланкируемая башнями под четырехскатными шатрами, «Лесная заимка» эффектно оформляла въезд во Владивосток и создавала первое впечатление о России в целом (до сих пор это первый крупный объект, который привлекает внимание по дороге из аэропорта в краевой центр). Благодаря профессионально воспроизведенным элементам крепостной архитектуры и удачным пропорциям загородный ресторан стал для многих поколений приморцев знаковым объектом, воплощающим «дух места». Возможно, именно подспудное воспоминание об

этой обветшавшей, заброшенной, но не утратившей монументальности и сходства с острогом, постройке и стало импульсом развития бревенчатой приморской архитектуры.

В середине 2000-х гг. из Витязя по бухтам мыса Гамова и дальше на материк стали распространяться турбазы, гостиницы, загородные рестораны и ресторано-гостиничные комплексы, собранные из оцилиндрованного красноярского бревна – везти оттуда оказалось гораздо дешевле, чем пилить на месте. В Восточной Сибири с многовековой традицией возведения деревянных постов, острогов, крепостей, этот тип конструкций был исторически укоренен и функционально оправдан. Но интересно, что архитектурно-маркетинговый ход, случайно в интуитивном озарении найденный владельцем первой деревянной турбазы на Витязе, сразу попал в цель, искусственно увеличивая историческую оптику и прибавляя архитектуре восточного фронта недостающий – деревянный – этап. Сегодня затейливые срубы, радующие аутентичностью туристов из ЮВА, стали органичной частью береговой архитектуры. Не только корейцы и японцы, но и коренные дальневосточники уверены в том, что срубы – это настоящая, народная архитектура, исконно присущая северному побережью Японского моря. Трансляция этого стиля идет все дальше на север восточных территорий. Помимо ассоциаций с фортами, факториями, постами и прочими поселениями первых колонистов, дерево как строительный материал имеет стойкие положительные коннотации в связи с его массовым использованием в православной архитектуре. В Сибири, на Алтае, в Забайкалье, на Дальнем Востоке, вплоть до Чукотки – везде с 1990-х гг. идет строительство деревянных храмов, чей облик выгодно отличается от официального канона, инспирированного образом Храма Христа Спасителя.

Заключение

Проанализировав сотни объектов, расположенных в самых популярных бухтах Приморья, можно сделать некоторые обобщения. Формирование вернакулярной архитектуры «гостеприимства» началось четверть века назад практически с чистого листа: под Владивостоком в советское время были построены десятки масштабных санаториев и пансионатов, принадлежащих, как правило, силовым структурам, однако, в отличие от черноморского побережья и региона КМВ, в крае не было исторической традиции архитектурно-пространственного оформления морского отдыха. Из-за отсутствия помещиков в Приморье не сформировалась культура дворянских усадеб, которые могли бы послужить образцом для подражания. Что касается вилл на берегу моря – в акватории залива Петра Великого существовало десяток имений, усадеб и отдельно стоящих объектов, принадлежащих в основном иностранным негодантам: Де Фризу («Новина», на мысе Де Фриз), династиям Янковских и Бринеров (поселки Безверхово, Витязь). Элеонара Пей в своем неоднократно цитированном письме описывает имение Де Фриза, упоминая игру в гольф и прочие колониальные затеи «в дебрях уссурийского края» [10]. Имение «Сидими», о котором вспоминает в мемуарах младший Янковский [11], полностью уничтожено, от имения Бринеров сохранились только стены маленького гостевого флигеля на берегу моря и фамильный склеп. Практически бесследно исчезло процветающее хозяйство Старцева на о-ве Путятине. Пожалуй, единственный объект, который мог бы стать прототипом романтического приморского стиля – замок Янковских в бухте Витязь, который неплохо сохранился до конца 70-х гг. Однако этот очевидный образец для коммерческого креатива до сих пор не использован.

Наиболее лояльное отношение вызывает деревянная архитектура (срубы), успешно используемая в курортной архитектуре, в «сфере гостеприимства», и – в меньшей мере – в индивидуальном жилищном строительстве. Несмотря на то, что архитектура срубов не имеет отношения к «культурному коду» Приморья, постройки, выполненные из оцилиндрованного бревна,

воспринимаются как исторически легитимные, «народные». Возможно, имеет смысл разрабатывать приморский колониальный стиль: двух-, трехэтажные срубы под высокими скатными крышами, обнесенные по периметру двухъярусными галереями. Но наиболее перспективным представляется использование в курортной застройке краснокирпичной «казарменной» архитектуры, исторически укорененной в приморском пейзаже и являющейся, по результатам опросов, которые систематически проводились автором среди хабаровчан разного возраста и разного социального положения, «настоящей дальневосточной архитектурой». Вокруг «гарнизонной» и «острожной» архитектуры легко выстраивается наиболее востребованная дальневосточниками и имеющая неплохие коммерческие перспективы «легенда фронта». Помимо прочего, гарнизонную краснокирпичную архитектуру (в отличие от модерна и боз-арта) легко имитировать на приличном уровне, что позволяет создавать качественный симулякр «исторической» среды, неотличимой (для нетребовательного китайского или отечественного туриста) от подлинных временных городков начала прошлого века. Обязательным дополнением новых поселков, имитирующих структуру поселений Амальфийского побережья и Чинкве-Терре (несколько десятков домиков неопределенно «средневекового» вида, лепящихся на утесах и связанных между собой исключительно живописной дорогой и/или пешеходным маршрутом), должны стать марины, огороженные пирсами и декоративные маяки – наиболее фотогеничный элемент «береговой архитектуры». Однако первоочередной задачей (после рекультивации заповедных ландшафтов) является открытие береговой линии во всех туристических поселках и городах Приморья.

Выбирая курортное (пляжное) направление, стандартный потребитель экономики впечатлений ожидает получить эффектный фон для самопрезентации (селфи). При этом к природному ландшафту предъявляются более высокие требования (в диапазоне от «райского» до «первобытно-дикого»), чем к антропогенному. Курортная архитектура традиционно воспринимается как декорация, по возможности романтическая, но исторической аутентичности от нее никто не ждет, что открывает большие возможности для манипуляций с «культурными кодами».

Библиография:

1. Грей, Ф. История курортов / Ф. Грей. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 434 с.
2. Касьянов, Н.В.. Приморские имения в окрестностях Владивостока на рубеже XIX–XX веков / Н.В. Касьянов // Русская усадьба. – 2005. – №11 (27). – С. 271–286.
3. Лешоко, С.С. Тема «города-сада» в градостроительстве на Дальнем Востоке России рубежа XIX–XX вв. / С.С. Лешоко // Вестник ДВО РАН. – 2004. – № 2. – С. 17–29.
4. Рагулина, М.В. «Аксиомы» исследования культурного ландшафта как предмет географической полемики / М.В. Рагулина // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – №8(40). – С. 148–165.
5. Niezabitowska, E.D. Research Methods and Techniques in Architecture / E.D. Niezabitowska. – Routledge, 2018. – 350 p.
6. Scerri, M., Edwards, D., Foley, C. Design, architecture and the value to tourism / M. Scerri, D. Edwards, C. Foley // Tourism Economics. – 2018 (in press).
7. Shaw, G. Tourism by Design: Signature Architecture and Tourism / G. Shaw // Tourism Review International. – 2015. – V 19. – P. 234–241.
8. «Веревочники» оккупировали приморские пляжи: видеорепортаж [Электронный ресурс] – Вести.Приморье, 24.07.2018. – URL: vestiprim.ru/news/ptrnews/66196-verevochniki-okkupirovali-primorskie-plyazhi.html.

9. Андрей Сухоруков. – URL: facebook.com/dv.reserv.
10. Прей, Э. Письма из Владивостока. 1894–1930 / Э. Прей. – Владивосток: Рубеж, 2010 – 464 с.
11. Янковский, Ю.М. Полвека охоты на тигров / Ю.М. Янковский. – Владивосток: Уссури, 1990. – 159 с.

Статья поступила в редакцию 06.11.2018

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция – На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

RESORT ARCHITECTURE IN PRIMORSKY KRAI

Ivanova, Alina P.

Associate Professor, Architectural Environment Design,
Pacific State University,
Khabarovsk, Russia, e-mail: iva.nova@mail.ru

Abstract

The southern coast of Primorye is a major resort center in the Russian Far East. Despite the importance of this area, the tourist infrastructure and resort architecture of the region remains almost unexplored. This article is based on extensive field research conducted in 2018. It describes a variety of forms of local resort architecture and introduces preliminary typology.

Keywords:

vernacular architecture, resort architecture, Far East, experience economy

References:

1. Grey, F. (2009) *Designing the Seaside*. Translated from English. Moscow: New Literary Review. (in Russian)
2. Kasyanov, N. V. (2005) Seaside manors in Vladivostok suburbs at the turn the 19th-20th century. *Russian manor*, No.11 (27), p. 271–286. (in Russian)
3. Levoshko, S.S. (2004) The theme of «Garden City» in town-planning in the Far East of Russia at the turn of the 19th-20th century. *Bulletin of DVO RAN*, No. 2, p. 17–29. (in Russian)
4. Ragulina, M.V. (2014) «Axioms» of cultural landscape studies as a subject-matter of geographical debates. *Modern research into social problems*, No.8 (40), p. 148–165. (in Russian)
5. Niezabitowska, E. D. (2018) *Research Methods and Techniques in Architecture*. Routledge.
6. Scerri, M., Edwards, D., Foley, C. (2018) *Design, architecture and the value to tourism*. *Tourism Economics* (in press).
7. Shaw, G. (2015) *Tourism by Design: Signature Architecture and Tourism*. *Tourism Review International*, V 19, p. 234–241.
8. «Ropers» have occupied the Primorye beeches: a video report. *Vesti. Primorye*, 24.07.2018. Available from: vestiprim.ru/news/ptrnews/66196-verevochniki-okkupirovali-primorskije-plyazhi.html. (in Russian)
9. Andrey Sukhorukov. Available from: facebook.com/dv.reserv. (in Russian)
10. Pray, E. (2010) *Letters from Vladivostok. 1894–1930*. Vladivostok: Rubezh. (in Russian)
11. Yankovsky, Yu. M. (1990) *Half a century of tiger hunting*. Vladivostok: Ussuri. (in Russian)